

УДК 342.4:94(438)"1815"

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО 1815 ГОДА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Л. Б. Лихачева

Реферат. В статье рассматривается отношение польского и российского дворянства к решению Александра I предоставить Конституцию Царству Польскому, созданному в рамках Российской империи после Венского Конгресса. Выявлено, что представители российской аристократии сильно разошлись в оценках значимости этого документа для дальнейшей судьбы государства. Исследование построено на анализе источников личного происхождения – воспоминаний, писем, дневников, записок российских офицеров, гражданских чиновников, а также польских и российских общественных деятелей.

Ключевые слова: Царство Польское, конституция, Александр I, либеральные реформы, российское дворянство, польские патриоты.

Победа в Отечественной войне 1812 года превратила Россию в самую мощную державу на континенте. На правах одного из ключевых политических игроков Европы, Россия предъявила территориальные претензии на польские земли, до этого принадлежавшие наполеоновской Франции. В 1815 году на Венском конгрессе Александр I добился включения большей части Великого княжества Варшавского в состав Российской империи. Новые российские земли площадью 127 тысяч кв. км и с населением 3,3 млн. человек получили название Царства Польского, или, на западный манер – Королевства Польского [1, с. 24].

Политика, которую российский царь, ставший польским королем, начал проводить по отношению к своим новым владениям, вызвала бурные дискуссии в среде как польской общественности, так и российской аристократии. Польская шляхта, российские офицеры и гражданские чины, проходившие службу на территории Царства Польского, а также российская дворянская общественность в глубине империи оставили большое количество записок, дневников, писем и воспоминаний, отражающих как изменения, происходившие в польских землях империи, так и отношение общества к ним.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать эти весьма субъективные источники, и выяснить, как польское и российское общество оценивало первые шаги на пути государственного строительства возрождаемой Польши, и прежде всего, принятие Конституции Царства Польского. Историки начали изучение преобразований в Царстве Польском и их последствий еще в XIX в. – об этом писали З.Ленский, Е.М.Феокистов, С.Ф.Платонов, Н.Д.Сергеевский и др. [2]. При этом все они свидетельствовали, главным образом, о причинах принятия Конституционной Хартии 1815 г. и реакции польского общества на либеральные инициативы императора. А вот оценки тех же событий российской аристократией оставались малоизученными, хотя сами воспоминания очевидцев и участников событий были опубликованы.

В советский период исследование проблемы продолжили Л.А.Обушенкова, О.В.Орлик, Я.Лескевичова и др. [3]. В силу идеологических причин историки в это время основное внимание обращали на рост протестных настроений в польском обществе, на предпосылки создания тайных организаций и подготовку восстания. Записки российских дворян, считавшихся классовыми врагами, авторы этой эпохи в качестве источников вовсе не использовали. Таким образом, можно сделать вывод о новизне темы: в данной формулировке проблема не изучалась историками ни до революции, ни в советское время.

В новейшее время появились работы, отвечающие на ряд из поставленных вопросов. Прежде всего, следует назвать исследования российского историка Н.М. Филатовой. Ее работы посвящены изучению стереотипов отношения поляков к россиянам в Царстве

Польском [4] Заслуживает внимания работа Е. Г. Луферчик "Принятие Конституции Царства Польского в 1815 г. и русское общественное мнение" [5]

Вместе с тем, данная проблема изучена недостаточно. Нам представляется, что для написания максимально полной картины необходимо максимальное привлечение в качестве источников документов личного происхождения. Именно поэтому источниками для написания статьи стали, в первую очередь, записки, дневники и письма российских высших офицеров, служивших на территории Царства Польского: генералов Дениса Давыдова, Павла Киселева и Алексея Ермолова, генерал-адъютанта Павла Колзакова, генерал-контролера Царства Польского Околова, флигель-адъютанта императора Александра Михайловского-Данилевского. Их дополняют воспоминания и оценки гражданских чиновников (московского градоначальника Федор Растопчина, председателя временного управления герцогства Варшавского В.С.Ланского и др.), а также общественных деятелей, историков, писателей из дворянского сословия (В.Каразина, В.Крестовского, Н.Костомарова). Все эти авторы были прекрасно проинформированы о реакции на реформы в Царстве Польском со стороны российского офицерского корпуса, польской армии, русской и польской общественности и высшего света.

27 ноября 1815 года часть Польши, по условиям Венского Конгресса вошедшая в состав России под названием Царства Польского, получила от российского императора Александра I Конституцию. По этой Конституции полякам было дано право на свой сейм и собственное правительство. "Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из царя и из двух палат. Первая образуется из сената, вторая из послов и депутатов от гмин", - говорилось в ней [6, с.58].

Российский император, который по отношению к Королевству Польскому являлся конституционным монархом, торжественно поклялся соблюдать Конституцию. 15 марта 1818 года Александр I лично выступил на первом заседании польского сейма в Варшаве. Он был одет в польский мундир с орденом Белого орла. "Вы подали мне средство явить моему отечеству то, что уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут настоящей зрелости", - заявил император. Он выразил уверенность, что Королевство докажет, что "законно-свободные учреждения, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная" [7, с. 157].

Польские историки считают, что "Королевство Польское стало нетипичным примером либерально-конституционного государства в восточной части континента"[8]. Между тем, сам факт его создания и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили положительное отношение со стороны значительной части польской общественности. Большинство шляхетского общества с удовлетворением приняло Конституцию 1815 года. Ее положения вполне устраивали как польское дворянство, так и магнатов. Представители высших сословий возлагали на либеральные преобразования в Царстве Польском большие надежды, и прежде всего – на сохранение обретенного в былые времена статуса и привилегий [5, с. 123]. В среде простого народа дарование Конституции было принято с большим энтузиазмом и вызвало небывалый всплеск популярности Александра I. Польский историк Миколай Гетка-Кениг отмечает, что такое отношение к личности самодержавного монарха серьезно диссонирует с типичными примерами изображения российских правителей в культуре того периода, отчасти сохранившимися до сегодняшнего дня. "Каждый выносит из школы образ царя-чудовища, земного воплощения дьявола, чуть ли не вурдалака, питающегося кровью бедных и невинных патриотов. Не будет преувеличением утверждение, что русский царь (как тоπος) по сей день остается одним из важнейших отрицательных героев польской культуры", - пишет исследователь [9].

Тем не менее, среди русских монархов, имевших случай вписать свое имя в польскую историю, фигура Александра I признается весьма спорной, не поддающейся прямо негативной оценке. Характерная расплывчатость, с которой современные поляки (не только историки) подходят к его личности, представляет собой до известной степени наследие

дилемм народа, двести лет назад жившего под скипетром "воскресителя отечества". Кульминационный момент обожания Александра поляками приходится, понятное дело, на 1815 год – "возрождение Королевства Польского" и принятие его Конституции.

Известие о столь смелом для правителя самодержавного государя решении было принято на берегах Вислы с эйфорией. Александра почти сразу провозгласили "воскресителем отечества" и "спасителем нации". Благодарность новому польскому монарху выражалась всячески: о нем слагали стихи и песнопения, совершали молебны за него, его имя давали новорожденным детям, обзаводились литографированными портретами благодетеля. Свообразным хитом сезона стал написанный Луиджи Фелински гимн в честь обожаемого монарха "Боже, храни Польшу во веки веков" (Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki"). Вся Польша в церквях с рвением и убежденностью пела слова этого гимна "Перед Твоими жертвенниками возносим моления за нашего царя (Александра)" [10]. Патриотическое воодушевление вызывало в памяти похожие сцены, происходившие в декабре 1806 года, после вступления Наполеона в освобожденную от пруссаков Варшаву. Однако тогда французы серьезно обманули возлагавшиеся на них надежды, учредив лишь скромное Герцогство Варшавское. Ныне поляки получили гораздо больше - с этой минуты имя Польши вернулось на карты, а на троне восседал не герцог, а их собственный король. Национально сознательным полякам необычайно важно было тогда только одно - независимость. Кто им ее обеспечивал, тот безоговорочно завоевывал их сердца. По жребии судьбы это выпало Александру.

Особую роль в идеализации образа "воскресителя" сыграли успевшие состариться в борьбе за независимость Польши патриоты. Политические верхи, помнившие времена Речи Посполитой, воспринимали царский дар как увенчание многолетней борьбы за независимость. Выступить против Александра означало бы признать поражение. На краю могилы они не хотели допустить и мысли, что их жизнь, с молодых лет посвященная почти исключительно делу нации, оказалась бессмысленной. Естественно, одним из лучших, выражаясь современным языком, имиджмейкеров Александра был его давний друг князь Адам Чарторыйский. Прежде чем огласить свое решение, российский император отнюдь не был уверен, удастся ли ему снискать благосклонность "варшавских" поляков, до того пребывавших под иною властью. Поэтому князь Чарторыйский по его заданию вел сдержанную агитацию, противодействуя местной русофобии, которую разжигали в Герцогстве Варшавском перед войной 1812 года и во время военных действий [9].

Вместе с тем, Чарторыйского можно считать одним из первых поляков, разочаровавшихся в реализации идей своего товарища Александра Павловича. Уже в 1816 году он попросился в отпуск и покинул Варшаву, удалившись от дел. Впоследствии он не принимал участия в политической жизни Царства Польского вплоть до смерти Александра. В 1816-1817 годах князь Адам еще пробовал обращаться к царю, протестуя против решений великого князя Константина и наместника, противоречащих основным положениям конституции. Он писал Александру: "Позвольте мне, Государь, еще раз доложить Вам, что крайне спешно и необходимо, во-первых, точно определить границы власти Его Императорского Высочества; во-вторых, сделать распоряжения, которые указали бы наместнику его обязанности и, в-третьих, дать пример самого тщательного уважения к законам и учреждениям..." [11].

Показательна в этом отношении позиция легенды национально-освободительной борьбы в Польше Тадуеша Костюшко. После падения Наполеона он встретился с российским императором Александром I в Париже, а затем – в швейцарском Браунау. Александр надеялся убедить Костюшко вернуться в Польшу и возглавить администрацию Царства Польского. Тот был готов согласиться при условии, что в Польше будут проведены социальные реформы и восстановлена территория, достигающая на востоке рек Днепр и Двина. Естественно, царь не готов был выполнять эти требования. Когда же Костюшко узнал, что новообразованное Царство Польское по площади уступало даже Варшавскому

герцогству, он назвал это образование "шуткой" и, перебравшись в Швейцарию, прекратил общаться с Александром I. Однако, некоторое время спустя, герой освободительной борьбы оценил вклад России в частичное, но все-таки возрождение Польши, и прислал в Варшаву 1 тысячу швейцарских франков для строительства триумфальной арки в честь образования Царства Польского [12, с. 438].

И действительно, после обретения Польшей элементов государственности и получения Конституции, в крае происходили заметные преобразования к лучшему. "Варшава представляла в ту эпоху самый оживленный вид: город обустроивался, украшался; эмигранты польские, получив широкую амнистию, толпами возвращались в свои дома и поместья; увеселения и празднества становились все чаще и чаще: русская военная молодежь дружилась с польскою, и дух прежней вражды, казалось, уже исчезает понемногу; польские красивые панны переставали коситься на "москалей", и наши уланы в угодность им заговорили по-польски, ломая свой благозвучный язык на их шипящее наречие", - так описывает атмосферу Варшавы 1815 года генерал-адъютант Павел Колзаков [13, с. 427].

Вместе с тем, несмотря на установление некоторого подобия российско-польской дружбы народов, российская аристократия встретила польские начинания своего императора очень неоднозначно. Даже ближайшее окружение Александра было весьма недовольно подобным отступлением царя от основ самодержавия. Так, флигель-адъютант императора Александр Михайловский-Данилевский записал в своем дневнике: "Русских, находившихся в Варшаве, всего более занимала речь, произнесенная императором при открытии народного собрания, в которой сказано было, что государь намерен был и в России ввести политическую свободу. Без сомнения, весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца" [14, с. 20-21].

Историк Николай Карамзин жестко раскритиковал несоответствие идей ограничения монархии конституцией реалиям российского общества. "Царь, - писал он, - исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью...". Основатель русского консерватизма сообщал в письме своему другу поэту Ивану Дмитриеву: "Варшавские новости сильно действуют на умы. Варшавские речи сильно отзывались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию. Судят, рьят, начинают и писать. Иное уже вышло, иное готовится... И смешно и жалко" [15].

Граф Михаил Сперанский, известный как один из соавторов многих реформ Александра I, в письме приятелю отмечал, что речь монарха в Варшаве, которую многие восприняли как свидетельство близящегося освобождения крестьян, вызвала в Москве "припадки страха и уныния". Еще один соратник Александра I по либеральным проектам Василий Каразин предостерегал: "Теперь с той же дерзостью, почти с тем же унынием, наполняющим мою душу, предсказываю я великие беспокойства в отечестве нашем и весьма не в отдаленном будущем... Дух развратной вольности более и более заражает все сословия".

Герой войны 1812 года Алексей Ермолов писал своему товарищу Арсению Закревскому: "Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец... В руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствовать народ своей воле... Я очень верю, что при моей жизни не последует никакой перемены" [16, 280-281]. В свою очередь сам генерал Закревский в письме своему давнему другу графу Павлу Киселеву неодобрительно заметил: "Речь государя, на сейме говоренная, прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие" [17, с. 217]. Обращает на себя внимание, что неудовольствие польской Конституцией и выступлением императора в сейме высказывалось преимущественно в письмах российской аристократии друг к другу и в личных дневниках.

Наибольшим противником идеи образования Царства Польского и "дарования" ему Конституции ретроспективно выступил один из наиболее реакционных общественных деятелей России Михаил Катков. "Не странно ли, что Россия сама хлопотала о сохранении

польской национальности, которой вся сущность и вся сила заключаются в отрицании России и в борьбе против нее?", - риторически вопрошал М. Катков [18].

Вместе с тем, следует отметить, что часть дворянства восприняла конституционные начинания Александра I с надеждой на перемены и как руководство к действию. По словам генерала Павла Киселева, после выступления царя в сейме армейские офицеры "возмечтали много о будущем своем блаженстве". Бывший московский градоначальник Федор Растопчин сообщает: "Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят конституции" [19, с. 159].

В некоторой степени, варшавская речь императора Александра I стала идеологической основой декабристского движения. Руководитель Северного общества Никита Муравьев уже после подавления восстания отмечал, что "...право Союза (Благоденствия) опиралось также на обетах власти, которой гласное изъявление и имеет силу закона в самодержавном правлении" [20]. Похожие мысли высказал и другой декабрист – Сергей Волконский. "Слова его (Александра I) о намерении его распространить и в пользу России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечатление в моем сердце как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего его быта. С этой поры моей жизни думы мои приняли другое направление" [21, с. 354-355].

"Я радовался тому, что на свете стало одной конституцией больше, если только можно сказать, что в этом царстве действительно существовала конституция", - вспоминал о тех событиях еще один активный участник декабристского движения Николай Тургенев. [22, с. 68].

Третья группа российской аристократии не восприняла создание Королевства Польского и дарование ему конституции всерьез. Более того, некоторые дворяне не увидели в выступлении в сейме никаких обещаний либеральных перемен. Так, Петр Вяземский на полях подаренного Александру Тургеневу переведенного им варшавского издания речи Александра I, напротив слов о намерении распространить конституцию на Россию, сделал ироничную приписку: "Верьте этому и попивайте водичку" [23, с. 134]. Некоторые общественные деятели империи, привлеченные к процессу государственного и конституционного строительства в Царстве Польском, до конца не осознавали, что и почему они делают. "Неопытность наша в делах сего рода забавна. Поручено было составить проект правительства для Варшавского герцогства господину Безродному, служившему весь свой век по провиантской и комиссариатской частям; он не имел ни малейших политических сведений и даже не знал ни одного иностранного языка. Я встретился с ним перед кабинетом князя Кутузова и в то время, когда меня позвали к его светлости. Безродный остановил меня, прося убедительно доложить фельдмаршалу, что он находится в величайшем затруднении, ибо, говорил он: "Я никогда в свою жизнь не писывал конституций", - вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский [24].

И, наконец, часть русского дворянства была уверена, что эксперимент Александра I с демократизацией отдельной части империи потерпит крах. Прежде всего, это произойдет потому, что поляки не оценят по достоинству сделанные им самодержавным монархом конституционные уступки. Денис Давыдов считал, что "Заблуждения этого монарха, надеявшегося навсегда прекратить искони существующую между Россией и Польшей вражду, стоили нам дорого... Польша, чреватая (беременная) мятежом, зарождавшимся в ней Александром I в минуты несчастной либеральной склонности его, нетерпеливо ожидала срока своего разрешения" [25]. С ним согласились и другие боевые офицеры. "На одном из смотров, — рассказывает в своих записках будущий душитель польского восстания 1830 года Иван Паскевич, - подхожу к графу Милорадовичу и графу Остерману-Толстому и спрашиваю: "Что из этого будет?". Остерман отвечал: "А вот что будет — через 10 лет ты со своей дивизией будешь Варшаву штурмовать" [15]. Остерман ошибся всего на 2 года - в 1830 году Царство Польское охватило первое, но не последнее антироссийское восстание.

Российский публицист М. Катков по прошествии нескольких десятилетий после принятия Конституции в Царстве Польском так охарактеризовал результативность для Российской империи преобразования Александра: "Впрочем, сами поляки сознаются, что они хотели вовсе не политических успехов, и восстали в 1830 году" [18].

Современные польские историки так же называют создание Царства (Королевства) Польского и дарование ему Конституции попыткой неудачного компромисса. По мнению ряда исследователей, Александр I, прежде всего, был озабочен тем, чтобы поляки, используя отдаленность Варшавы от Петербурга, не привыкали к чрезмерной самостоятельности. Именно поэтому он отстранил от власти своего старого друга и советника князя Адама Чарторыйского, а на должность наместника назначил генерала Юзефа Зайончека, бывшего в юности якобинцем, легендарного командующего наполеоновских времён, превратившегося впоследствии в безвольного карьериста. Главкомандующим польской армией стал младший брат царя, жестокий и психически неуравновешенный великий князь Константин. Его полномочия были практически неограниченны, и поэтому он вмешивался во все сферы управления Королевством Польским. На должность комиссара при правительстве – Административном совете – Александр I назначил Николая Новосильцева. Доверенное лицо царя, некогда либерал, со временем превратившийся в яркого консерватора, он ненавидел поляков. Они ему отвечали тем же за его продажность и интриганство. На фоне предоставленных полякам де-юре гражданских свобод авторитарность великого князя вела к острому неприятию его поляками. При этом оба – и князь Константин, и Н. Н. Новосильцев – стали для поляков олицетворением чужеземного гнета [8]. Поэтому воодушевление, которым сопровождалось, особенно в либеральной среде, создание Королевства Польского, быстро угасло. Александр I, в свою очередь, постепенно начал отходить от идей либерализма и все больше ограничивать автономию польских земель империи.

Таким образом, многочисленные источники личного происхождения – воспоминания, записки, письма современников – свидетельствуют об очень неоднозначном отношении общества к изданию Конституции Царства Польского в 1815 году. В отличие от польских патриотов, большинство которых встретили решение Александра Павловича с восторгом и благодарностью, русское общество в своих оценках разошлось. Прогрессивно настроенная дворянская молодежь восприняла дарование Конституции Царству Польскому как первый шаг на пути к демократизации режима в России. Однако таких политических романтиков было немного. В массе же своей дворяне расценили решение своего государя как опасный и неоправданный либерализм, который может привести к разрушению устоев государства. Отдельные представители аристократии отнеслись к царским "политическим экспериментам" с иронией, как к некоей монаршей забаве. А наиболее прагматично настроенные высшие офицеры и вовсе предрекли скорый крах конституционным уступкам царя и неминуемое польское восстание.

РЕЗЮМЕ

У статті аналізується реакція польського та російського дворянства на введення російським імператором Олександром I в 1815 р. Конституції для Царства Польського. Джерелами для дослідження стали записи, щоденники та листи російських офіцерів, цивільних чиновників, польських та російських суспільних діячів з дворянського стану.

У оцінках Конституції 1815 р. російські дворяни сильно розійшлися у поглядах. У більшості своїй, вони негативно відгукнулися про спроби Олександра I таким чином демократизувати частину своєї імперії; вони бачили у цьому загрозу для єдності та добробуту держави. Однак прогресивне офіцерство сприйняло політичні поступлення для Польщі як предтечу майбутніх ліберальних змін у Росії.

Ключові слова: Царство Польське, Олександр I, реформи, конституція, російське дворянство, мемуари.

SUMMARY

In 1815 the Kingdom of Poland was formed as a part of the Russian empire. Alexander I has implemented a number of liberal reforms and has given the Constitution to the Poles. This policy has caused heated debates among the Russian aristocracy. The sources of research are notes, diaries and letters of the Russian officers, civil officials, public figures of nobility.

Representatives of the Russian aristocracy were most divided in estimation of the Polish Constitution. Most of them negatively perceived Alexander I's attempts to democratize a part of the empire in this way and saw there a threat for unity and well-being of the state. These concessions could provoke development of revanchist sentiments among the Poles and make them hope to revive the Great Poland "from sea to sea". Among the Russian youth, the example of the Constitution of the Kingdom of Poland engendered unjustified expectation of soon implement of political freedoms in Russia. A part of progressive officers has interpreted political concessions for Poland as a forerunner of future liberal changes in Russia.

Keywords: *Kingdom of Poland, the Constitution, Alexander I, liberal reforms, the Russian nobility, Polish patriots.*

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Дильонгова Г. Історія Польщі 1795–1990 / Г. Дильонгова [Пер. з пол. М. Кірсенка]. – К. : Києво-Могилянська академія, 2007. – 237 с.

2. Ленский З. Польша в первой половине XIX века /З.Ленский // История России в XIX веке. Т.1. – СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, б/г. – С. 260 – 326.; Платонов С.Ф. Учебник русской истории / С.Ф.Платонов. – СПб.: Наука, 1993. – 428 с.; Феокистов Е. М. Польские интриги в первой четверти нынешнего столетия/ Е.М.Феокистов // Русский Вестник. – 1865. – № 7; Он же. Польша после 1815 года // Русский Вестник. – 1865. – № 8; Сергеевский, Н. Д. Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. 1815–1881 / Н. Д. Сергеевский. – СПб., 1907. –178 с.; Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке /А.Л.Погодин. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1915. — 297 с.

3. Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815 – 1830 гг. Экономическое и социальное развитие /Л.А.Обушенкова. – М.: Наука, 1979. – 296 с.; Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815—1829 гг. / О. В. Орлик. — М.: Наука, 1998. – 218 с.; Лескевичова Я. Общество Королевства Польского (1815 – 1864 гг.) в свете новейших исследований / Я. Лескевичова // Вопросы истории. – 1977. – № 12. – С. 112 – 118; Лескевичова Я. Социальная структура общества в Королевстве Польском (1815 – 1864) / Я. Лескевичова // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сб. статей. – М.: Мысль, 1982. – С. 55 – 68.

4. Филатова Н.М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. / Н. М. Филатова // *Polacy a Rosjanie. Поляки и русские. Wydawnictwo Neriton. Instytut Historii PAN. – Warszawa, 2000. – S. 107–119*; Ее же. Русские и поляки в Царстве Польском (1815–1830): проблемы межнационального общения/ Н. М. Филатова // *Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х. Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х. Х. Хайретдинова. Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М.: Издательство МГУ, 2008. – С. 232 – 249.*

5. Луферчик Е.Г. Принятие Конституции Царства Польского в 1815 г. и русское общественное мнение / Е. Г. Луферчик // *Исторические записки: Междунар. сб. науч. трудов / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского; под общ. ред. А.В. Первушкина; редкол.: А.В. Первушкин [и др.]. – Пенза: ГУМНИЦ, 2011. – Вып. 15. – С. 123 – 126.*

6. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814 - 1881). – СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, 1907. – 415 с.

7. Речь Александра I при открытии сейма // Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в./ С.В.Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

8. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/24571/ogl.shtml>
9. Гетка-Кениг М. Александр I и поляки. История мифа "воскресителя отечества" / М. Гетка-Кениг // Новая Польша. – 2012. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/index.php?id=1628>
10. Katolicka Agencja Informacyjna. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dziedzictwo.ekai.pl/text.show?id=435>
11. Чарторижский, князь Адам (Адам Юрий) Адамович // Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/15689
12. Herbst Stanisław. Tadeusz Kościuszko, Warszawa: Instytut Historii, 1969. – Р. 438
13. Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова. 1815—1831. / К.П.Колзаков // Русская старина. – 1873. — Т. 7. — № 4. — С. 420 – 432.
14. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия / С.В.Мироненко. – М.: Мысль, 1990. – 237с.
15. Орлов Н. А. Усмирение Польского восстания 1830–1831 гг. / Н. А. Орлов // История русской армии. 1812–1864 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/sb_istoria_russkoj_armii/86.html
16. Письмо А.С. Ермолова А.А. Закревскому 13 мая 1818 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб.: Изд-во Т-ва бр. Гранат, 1890. – Т. 73. – С. 280 – 281.
17. Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств / Л.М.Ляшенко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 359 с.
18. Катков М.Н. Исторический обзор попытки Александра I восстановить Польское королевство / М. Н. Катков // Московские ведомости. – 1863. – 24 августа. – № 185. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_istoricheskij_obzor_popytki.html
19. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
20. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I /А.Н.Пыпин // Исследования и статьи по эпохе Александра I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/pypin/pypin_obchestvennoe_dvijenie.html
21. Волконский С.Г. Записки / С.Г.Волконский. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1991. – 372 с.
22. Тургенев Н.И. Россия и русские. Т. I: Воспоминания изгнанника / Н. И. Тургенев. – М., 1915. – 343 с.
23. Лотман Ю.М. П.А.Вяземский и движение декабристов / Ю.М.Лотман. // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1960. – Вып. 98. – 256 с.
24. Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>
25. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года [Электронный ресурс] /Д.Давыдов // Русская старина, 1872. - Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-27/index.htm/>